

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого

Писатель беседует с Америкой

— Я благодарен вашей стране за все, что она дала миру в лице этих людей. — говорил Лев Толстой американцу Стивену Бонслу, указывая на фотографии выдающихся литераторов и философов Америки, украшавшие его кабинет. — Спасибо вам за то, что вы дали нам в прошлом. А вот за ваше будущее я боюсь...

Свои опасения Толстой обосновывал так:

— У вас, американцев, была молодая и прекрасная страна, которую ваши отцы хотели сделать земным раем, но чем все это кончилось? Нигде в мире нет такой ожесточенной сословной розни. Вы воспроизвели в самых крайних формах условия, существовавшие в Европе, и виной тому прежде всего то, что вы называете представительной системой правления, а также национальный эгоизм, который вы зовете патриотизмом.

Это интервью Бонсла с великим русским писателем появилось в газете «Нью-Йорк таймс» 7 июля 1907 года. К началу века относятся и другие такого же рода материалы американской печати о встречах с Толстым, опубликованные в недавно вышедшем, августовском номере журнала «Иностранная литература». Журнал благодарит за помощь в розыске толстовских материалов г-жу Шейлу Фитцпатрик (Колумбийский университет, США). В «Иностранной литературе» за последние годы были опубликованы произведения таких американских авторов, как Уильям Фолкнер, Курт Воннегут, Джеймс Болдуин, Трумен Капоте, Гор Вудал, Джон Андайк, Скотт Фицджеральд, Ирвин Шоу, Джеймс Парди, Торнтон Уайлдер, Джон Хеллер, и других. Объединив интервью и беседы, относящиеся к началу века, под заголовком «Лев Толстой беседует с Америкой», журнал дал возможность читателю, знакомому с современной американской литературой, воспринимать слова Толстого не только в историческом контек-

те, но и на фоне сегодняшних проблем Америки.

...Это был взаимный интерес — Толстого к Соединенным Штатам и американским читателям к Толстому. Он злободневен и поныне. Не случайно в одном из выступлений президент Картер счел нужным подчеркнуть, что своим любимым писателем считает Льва Толстого. А при жизни великий русский писатель получал из США в шесть раз больше читательских писем, чем, например, из Англии.

Толстого, читавшего по-английски, привлекало и творчество писателей, и взгляды философов, и высказывания публицистов и проповедников Америки. В романе «Воскресение» главный герой проповедует крестьянам идеи американского экономиста и публициста Генри Джорджа, которыми увлекался и сам Лев Толстой.

— Великая литература, — говорил Лев Толстой американскому журналисту, — рождается тогда, когда пробуждается нравственное чувство. Взять, например, период освободительных движений, борьбу за отмену крепостного права в России и борьбу за освобождение негров в Соединенных Штатах. Посмотрите, какие писатели появились тогда в Америке: Гарриет Бичер-Стоу, Торо, Эмерсон, Уильям Ллойд Гаррисон, Теодор Паркер, а в России — Достоевский, Тургенев, Герцен и другие...

Американские собеседники Толстого неизменно убеждались в пристальном внимании великого русского писателя к тому, что происходит за океаном, в его глубоком знании американской жизни, в его острой реакции на американские противоречия, о которых он чувствовал себя вправе судить с той же прямотой, с какой выступал у себя в России, защищая интересы прежде всего 100-миллионного крестьянства, борясь против проявлений несправедливости, угнетения и насилия, против взгляды православной церкви и против царского трона. Так, на-

пример, Лев Толстой горячо протестовал против войн и колониальных захватов, в которых участвовали и США.

«Едва только с моих уст, — пишет Стивен Бонсл, — слетело избитое выражение о «величии и силе Америки», Лев Толстой тут же возразил:

— Кто это говорит, что вы велики и сильны? Только лишь ваши глупые и пустые политики! Я допускаю, что вы были велики и сильны в эпоху Эмерсона и Торо, но сегодня вы уповаете на войско и на сокровища в ваших банковских сейфах. Велики и сильны! Как бы не так! Нация, как и отдельная человеческая личность, сильна лишь своей верой, а нынешняя Америка, боюсь, верит только во всемогущий доллар.

— Процветание, процветание! — повторял Толстой. — Вот с каким постыдным лозунгом обращаются ваши американские политики в своих предвыборных программах к избирателям. Они не говорят: «Благодаря нам у вас будет честное, справедливое правительство», нет, они говорят другое: «Благодаря нам все вы станете жирными и гладкими»...

Презириая самолюбование, накопительство, духовную глухоту, Толстой гневно осуждал национальную спесь и расовую нетерпимость, в каких бы формах и где бы они ни проявлялись. Он возмущался спровоцированным царскими властями еврейским погромом в Кишиневе и тут же резко говорил писателю Джеймсу Крипплену (газета «Уорлд», 9 августа 1903 г.):

— У нас преступления вроде кишиневского погрома свершаются раз в кои-то веки. А у вас в Соединенных Штатах линчуют каждый год, каждый месяц, каждую неделю, чуть ли не каждый день. Вы вешаете негров, стреляете в них, сжигаете живьем. В вашей стране это обычное явление...

«Меня иногда спрашивают, — вспоминал о своих встречах с Толстым американский уче-

ный и дипломат Эндрю Д. Уайт (журнал «Айджер», июль 1901 г.), — действительно ли искренен, по моему мнению, Толстой. На это я всегда отвечал и отвечаю, что я считаю его одним из самых искренних и беззаветных людей на свете — великим гением и одновременно человеком, исполненным глубочайшего сочувствия к своим ближним».

Не стоит гадать, как воспринял бы Лев Толстой претензии современных политиков, «уповающих на войско и на сокровища в банках», нести в мир мораль с позиции силы. Но можно не сомневаться в том, что у него на родине миллионы простых людей на своих национальных языках читают великих американцев. Джека Лондона и Марка Твена можно взять в любой библиотеке, так же как Толстого, Пушкина, Шекспира, Гете.

Толстой не ошибся бы и в оценке истинных мотивов замалчивания издателями в США великой советской многонациональной литературы. В мае этого года в Нью-Йорке состоялась встреча советских и американских писателей. На ней американцы вынуждены были признать, что в выполнении хельсинкских соглашений по культурному обмену взаимности не наблюдается: в США несравненно меньше знают советскую литературу, чем американскую литературу в СССР.

Лев Толстой был убежденным сторонником широких международных контактов — того, что мы сейчас называем культурным обменом. Интереснейшие публикации журнала «Иностранная литература» — еще одно свидетельство этого. Журнал сообщает, в частности, что в печати разных стран в свое время появилось не менее 30 интервью с Толстым. В значительной своей части они еще не разысканы и не переведены на русский язык.

Ф. БРЕУС,
политический обозреватель
АПН.